

Джордж Мартин

Грёзы Февра

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Сент-Луис.

Апрель 1857 года

Желая привлечь внимание портье, Эбнер Марш постучал по конторке набалдашником изящной трости из древесины пекана.

– Мне нужно увидеть человека по имени Йорк, – сказал он. – Джошуа Йорк. Во всяком случае, так он себя называет.

Портье, пожилой мужчина в очках, от внезапного резкого звука вздрогнул, но когда, повернувшись, узнал посетителя, расплылся в широкой улыбке.

– Да это же капитан Марш!.. Не видел вас вот уже полгода, капитан, хотя слышал о вашем несчастье. Ужасно, просто ужасно. Я здесь с тридцать шестого года, но такого льда не припомню.

– Не стоит говорить об этом, – с раздражением заметил Эбнер Марш.

Иной реакции он и не ожидал. Постоялый двор под названием «Дом переселенца» пользовался популярностью у речников. До той жуткой зимы Марш и сам регулярно заходил туда пообедать. Однако после ледового затора он там больше не появлялся. И дело не только в ценах. При всем том, что Эбнеру Маршу нравилась еда, подаваемая в «Доме переселенца», он не испытывал ни малейшего желания встречаться с его завсегдатаями: лоцманами и капитанами, их помощниками, словом, речниками – старыми товарищами и старыми соперниками, которые, бесспорно, слышали о его неудаче.

Эбнер Марш в людской жалости не нуждался.

– Вы мне только скажите, в каком номере остановился Йорк, – не допускающим возражений тоном попросил он.

Портье нервно качнул головой.

– Мистера Йорка сейчас нет в номере, капитан. Вы сможете найти его в обеденном зале, он отправился перекусить.

– Как? В этот час?

Марш взглянул на богато украшенные гостиничные часы, затем расстегнул медные пуговицы своего кителя и вытащил из кармана собственный золотой хронометр.

– Десять минут первого, – не веря своим глазам, произнес он. – Так вы говорите, он ест?

– Да, сэр, именно. Мистер Йорк поступает так, как ему удобно. И он не из тех людей, которым можно ответить отказом, капитан.

Эбнер Марш, прорывав что-то, вложил часы в кармашек, молча отвернулся от стойки и размашистым тяжелым шагом направился через богато меблированный холл гостиницы к выходу. Человек он был крупный и к числу терпеливых не относился. Деловые встречи в полуночный час, судя по всему, не входили в его привычки. Свою трость Марш держал с прежним высокомерием, словно ничего не случилось.

Обеденный зал был почти таким же величественным и роскошным, как главный салон на большом пароходе – с хрустальными канделябрами, отполированными до блеска медными ручками и всем прочим. На столах, покрытых белоснежными скатертями тонкого льна, стояли приборы из лучшего фарфора и хрусталя. В обычное время зал переполняли бы путешественники и моряки, но в этот час столы были свободны, большая часть светильников не горела.

Полуночное свидание имеет одно преимущество, размышлял капитан Марш: по крайней мере не придется страдать от сочувственных речей. Возле кухонной двери о чем-то тихо переговаривались два чернокожих официанта. Не обращая на них внимания, Марш прошел в дальний конец зала, где в одиночестве трапезничал хорошо одетый незнакомец.

Мужчина не мог не слышать приближения капитана, но взгляда от тарелки не оторвал. Он сосредоточенно поглощал из фарфоровой миски фальшивый черепаховый суп. Судя по покрою длинного черного сюртука, к речникам незнакомец не относился. Он мог быть приезжим с Восточного

побережья или даже иностранцем. Как заметил Марш, мужчина был довольно крупным, хотя, пожалуй, и не таким крупным, как он сам; сидя незнакомец производил впечатление человека рослого, но до размеров Марша явно не дотягивал. Поначалу из-за белых волос он показался Маршу стариком, однако, подойдя ближе, капитан заметил, что волосы не седые, а светло-пепельные. Незнакомец из старца сразу превратился в молодого человека. Йорк был тщательно выбрит. Его продолговатое холодное лицо не украшали ни усы, ни бакенбарды. Кожа почти такая же светлая, как и волосы. Кисти рук, как заметил Марш, оказавшись рядом со столиком, походили на женские.

Капитан постучал по столику тростью. Звук, приглушенный скатертью, получился приглушенным, не властно-требовательным, а нежно-просительным.

– Вы Джошуа Йорк?

Йорк поднял взгляд, и их глаза встретились.

До конца жизни Эбнер Марш не забудет мгновения, когда впервые взглянул в глаза Джошуа Йорка. Все мысли, которые он вынашивал, планы, которые строил, все поглотил водоворот глаз Йорка. В один миг не стало ни мальчика, ни старика, ни франта-иностранца; на смену им пришел Йорк, человек как таковой, источаемые им сила, могущество, мечта.

Глаза Йорка оказались серыми, удивительно темными для такого бледного лица. Казалось, их черные горящие зрачки тонкими буравчиками проникли в душу Марша и теперь оценивали, чего она стоит. Серая радужная оболочка словно жила своей жизнью. Она была подобна туману, вздымающемуся над рекой темной ночью, когда исчезают берега, когда не видно ни зги, и в мире ничего, кроме вашего суденышка, кроме реки и тумана, не существует.

В такие туманы Эбнера Марша посещали видения; они возникали внезапно и тут же рассеивались. Из бездонных колодцев глаз незнакомца на него взирал пронизательный ум. Но в непроглядном сумраке тумана чувствовалось что-то и от зверя, темного, пугающего, прикованного к цепи и потому злобного и неистового. Смех и одиночество, жестокая страстность – все это одновременно отразилось в глазах Йорка.

И все же главным в глазах была сила, ужасная сила, беспощадная и безжалостная, как тот лед, который разрушил мечты Марша. Где-то в этом тумане Марш ощущал медленное движение льда, едва уловимое, и почти слышал жуткий скрежет парохода и надежд.

Эбнер Марш за свою долгую жизнь никогда не отводил взгляда первым. Казалось, он смотрит на Йорка вот уже целую вечность. Рука Марша с такой силой сжала трость, что он боялся переломить ее пополам. Но на этот раз капитану пришлось первому отвести глаза.

Человек за столиком отодвинул в сторону свой суп и, махнув рукой, сказал:

– Капитан Марш. Я ждал вас. Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне.

Голос у Йорка оказался густого, приятного тембра. По всему было видно, что он хорошо образован.

– Хорошо, – произнес Марш мягко.

Он отодвинул стул напротив Йорка и сел. Марш был крупного телосложения, шести футов ростом и весил не менее трех сотен фунтов. Его красное, усеянное бородавками лицо покрывала густая черная борода, которую капитан отрастил, чтобы скрыть сплюснутый, вдавленный нос. Марша называли самым безобразным человеком на всей реке, и он знал об этом. В темно-синем капитанском мундире с двумя рядами медных пуговиц он выглядел внушительно и грозно. Но взгляд Йорка лишил его свирепости. Это фанатик, решил Марш. Такие глаза он уже видел у безумцев и проповедников, а также в истекающем кровью Канзасе у человека по имени Джон Браун. Марш не желал иметь ничего общего ни с фанатиками, ни с проповедниками, ни с аболиционистами, ни с трезвенниками.

Впрочем, когда Йорк заговорил, он перестал походить на фанатика.

– Меня зовут Джошуа Энтони Йорк, капитан. Джей Эй Йорк – официально, Джошуа – для друзей. Я надеюсь, со временем мы станем не только деловыми партнерами, но и друзьями. – В голосе его, не лишенном рассудительности, прозвучали сердечные нотки.

– Посмотрим, – сказал Марш неопределенно.

Серые глаза теперь показались ему отчужденными и немного озадаченными; то, что он видел в них раньше, исчезло.

Капитан почувствовал замешательство.

– Полагаю, вы получили мое письмо? – продолжал Йорк.

– Оно при мне, – ответил Марш и вытащил из кармана сюртука сложенный конверт. Поступившее предложение показалось ему невероятной улыбкой фортуны, спасением всего того, что он боялся потерять. Теперь Марш уже начал сомневаться. – Вы хотите, посвятить себя пароходному делу, не так ли? – спросил он и подался вперед.

Появился официант.

– Будете обедать вместе с мистером Йорком, капитан?

– Прошу вас, не откажите, – попросил Йорк.

– Полагаю, что присоединюсь к вам, – сказал Марш. Спору нет, выдержать взгляд Йорка трудно, но на реке не найти второго человека, кто мог бы состязаться с капитаном Эбнером Маршем в еде. – Я бы съел такого же супа и с дюжину устриц, не помешает и парочка жареных цыплят с картофелем и начинкой. Да не забудьте как следует поджарить их, чтобы образовалась румяная корочка. Принесите, также что-нибудь запить все это. Что вы пьете, мистер Йорк?

– Бургундское.

– Отлично. Бутылочку того же и для меня.

На лице Йорка отразилось изумление.

– У вас жуткий аппетит, капитан.

– Это жут-кий го-род, – тщательно выговаривая слова, произнес Марш, – и река здесь тоже жут-ка-я, мистер Йорк. Приходится поддерживать себя в форме. Здесь не Нью-Йорк, да и не Лондон.

– Это мне хорошо известно.

– Что ж, я очень надеюсь на это, раз уж вы решили заняться речным делом. Это са-ма-я жут-ка-я вещь на свете.

– Может быть, тогда перейдем сразу к делу? Вы владеете пароходной линией, занимающейся почтово-пассажирскими перевозками. Я хочу купить половину дела. Следовательно, ваш приход я могу расценивать как проявление интереса к моему предложению.

– Я более чем заинтересован, – согласился Марш, – и одновременно озадачен. Человек вы, похоже, умный, и надо полагать, что прежде чем написать мне письмо, навели соответствующие справки. – Для придания своим словам большего веса он постучал по столу пальцем. – Вы не могли не знать, что последняя зима практически разорила меня.

Йорк ничего не сказал, но что-то в его облике заставило Марша продолжить.

– Грузопассажирская компания «Река Февр» – это я, – продолжал Марш. – Я назвал ее так не потому, что обслуживаю только эту реку, что, кстати, не так, – а потому, что родился в верховьях Февра [note 1](#) неподалеку от Галена. У меня было шесть судов, которые в основном занимались коммерческими перевозками в верхней части Миссисипи, из Сент-Луиса в Сент-Пол, с заходом в Февр, Иллинойс и Миссури. Дела шли отлично. Почти каждый год я увеличивал свою флотилию на один, а то и два новых парохода. Я уже подумывал о том, чтобы расширить сферу своего влияния до Огайо и, возможно, до Нового Орлеана. Но в минувшем июле на моей «Мэри Кларк» взорвался паровой котел, и она сгорела. Случилось это в районе Дубьюка. От нее ничего не осталось до самой ватерлинии. Сотни людей погибли. А этой зимой... эта зима выдалась жуткая. Здесь, в Сент-Луисе, у меня зимовало четыре парохода. «Николас Перро», «Данлейт», «Прекрасный Февр» и «Элизабет А». Новенькая, с иголки, она прослужила мне только четыре месяца. Славное было судно. Почти триста футов длиной, с двенадцатью большими паровыми котлами. Быстроходная, как ни одно судно на реке. Я очень гордился своей «Леди Лиз». Обошлась мне в двести тысяч долларов, но, должен признаться, она стоила этих денег.

Тем временем принесли суп. Марш зачерпнул ложку и попробовал. Лицо его помрачнело.

– Слишком горячий, – сказал он. – Впрочем, ладно. Сент-Луис – вполне подходящее место для зимовки. Река замерзает здесь не сильно, и лед держится недолго. Нынешняя же зима выдалась непохожей на все остальные. Да, сэр. Все дело во льду. Река замерзла, как никогда. – Марш вытянул над столом огромную красную руку ладонью вверх и медленно сжал пальцы в кулак. – Положите в мою руку яйцо, и вы получите полное представление о случившемся, мистер Йорк. Лед с большей легкостью способен раздавить корабль, чем я яйцо. И когда он начал вскрываться, стало еще хуже. Вниз по реке, тесня друг друга, неслись огромные льдины, сметая на своем пути все: пристани, дамбы, лодки. Зима закончилась, и я потерял все свои суда. Все четыре. Лед отобрал их у меня.

– А страховка? – спросил Йорк.

Марш принялся за суп, громко втягивая его в себя. Поднося ко рту вторую ложку, он покачал головой.

– Я не считаю себя игроком, мистер Йорк. По этой причине никогда не доверял страховке. Это все та же игра – за исключением лишь того, что в ней ты ставишь против самого себя. Заработанные деньги я вкладывал в пароходы.

Йорк кивнул:

– Полагаю, все же одно судно у вас осталось.

– Осталось, – подтвердил Марш. Доев суп, он подал знак, чтобы подали второе блюдо. – «Эли Рейнольдз», маленькое суденышко водоизмещением в 150 тонн. Я использовал ее на Иллинойсе. Из-за того, что у нее незначительная осадка и она зимовала в Пеории, ледяного затора ей удалось миновать. Это все, чем я владею, сэр, все, что у меня осталось. Беда, мистер Йорк, в том, что «Эли Рейнольдз» немного стоит. Купил я ее за двадцать пять тысяч долларов, и было это в пятидесятом году.

– Семь лет, – заметил Йорк, – не такой уж большой промежуток времени.

Марш покачал головой.

– Семь лет для парохода – весьма существенный срок. Большинство из них не выдерживают и четырех-пяти. Река просто пожирает их. «Эли

Рейнольдз» построена лучше, чем большинство ей подобных, но старушке уже не долго осталось.

Тем временем Марш приступил к своим устрицам. Раскрывая створки раковины, он заглатывал их целиком, запивая большими глотками вина.

– Так что я совершенно озадачен, мистер Йорк, – продолжил капитан после того, как с полдюжины устриц исчезли в его желудке. – Вы говорите, что хотели бы купить половину моего предприятия, всю ценность которого составляет один-единственный жалкий, доживающий свое пароход. В письме вашем была обозначена цена. Слишком высокая, я бы сказал. Возможно, раньше, когда я владел шестью судами, грузопассажирская компания «Река Февр» и стоила этих денег. Но только не сейчас. – Он проглотил очередную устрицу. – Вам не окупить ваших вложений и за десять лет. Во всяком случае, с «Эли Рейнольдз». Она не в состоянии брать много груза или пассажиров.

Марш вытер губы салфеткой и посмотрел на своего собеседника, сидевшего по другую сторону стола. Пища помогла ему восстановить силы, и теперь он снова чувствовал себя самым собой и господином положения. Взгляд Йорка действительно чертовски пронзителен, однако бояться его совершенно нет оснований.

– Вам нужны мои деньги, капитан, – сказал Йорк, – и в то же время вы отговариваете меня... Не бойтесь, что я найду другого партнера?

– Я так не работаю. – Марш тряхнул головой. – Я провел на реке тридцать лет, мистер Йорк. Когда я был мальчишкой, то сплавлялся на плоту до Нового Орлеана, потом водил паромы и плоскодонки. Только после этого пересел на пароходы. Я был лоцманом, помощником капитана, матросом, помощником судового машиниста и даже чертовым клерком. Чтобы узнать дело, надо перепробовать все. Но жуликом я не был никогда.

– Честный человек. – Йорк произнес это таким тоном, что Марш не мог понять, говорит тот всерьез или насмехается над ним. – Я рад, что вы посчитали возможным рассказать мне о положении вашей компании, капитан. По правде говоря, все это мне уже известно. Мое предложение остается в силе.

– Но почему? – сердито спросил Марш. – Только дурак выбрасывает деньги

на ветер. На дурака вы не похожи.

Йорк не успел ответить – принесли очередные блюда. Заказанные Маршем цыплята были покрыты чудесной корочкой, именно так, как он любил. Отделив от тушки ножку, капитан с жадностью накинулся на нее. Йорку принесли толстый кусок жареной говядины, красной, с кровью, обильно политой соусом. Марш заметил, как тот проворно и ловко принялся расправляться с нею. Его нож легко вошел в мясо, как если бы это был кусок масла. Чтобы разрезать мясо, Йорку даже не требовалось делать пилящих движений, к каким обычно прибегал сам Марш, выполняя аналогичную работу. Вилку Йорк держал, как истинный джентльмен. Сила и изящество; удлиненные бледные кисти рук Йорка обладали и тем, и другим, и Марша восхищало это. Такие руки могли быть у женщины. Белые, но сильные, твердые, как клавиши большого рояля в главном салоне «Эклипса».

– Так что? – спросил Марш. – Вы не ответили на мой вопрос.

Джошуа Йорк минуту помолчал.

– Вы были честны со мной, капитан Марш. Я не стану на вашу честность отвечать ложью, как намеревался ранее. Но не стану и обременять вас правдой. Есть вещи, о которых я не могу вам сказать, вещи, которые вам не нужно знать. Позвольте мне в этой ситуации назвать вам мои условия, посмотрим, может статься, мы придем к общему соглашению. Если нет, расстанемся как джентльмены.

Марш распилил грудку второго цыпленка.

– Продолжайте, – попросил он. – Я вас слушаю.

Йорк отложил в сторону нож и вилку и сложил ладони лодочкой.

– Я, из своих собственных соображений, хочу стать хозяином парохода. Я хочу отправиться в путешествие по великой реке в комфорте и уединении. Я хочу быть на пароходе не пассажиром, а хозяином. У меня есть мечта, цель, если хотите. Я ищу друзей и союзников, но у меня есть враги, много врагов. Детали не должны вас волновать. Если вы будете настаивать на подробностях, мне придется лгать. Поэтому лучше не давите на меня. – Глаза-Йорка на мгновение стали жесткими, но он улыбнулся, и они сразу

потеплели. – Единственное, о чем вам нужно знать, так это о моем страстном желании владеть пароходом и командовать им, капитан. Как вы можете догадаться, я не речник. Я совершенно не разбираюсь в судах, ничего не знаю о Миссисипи. Мои знания ограничены исключительно сведениями, почерпнутыми из тех немногих книжек, которые я читал и изучал в течение недель, проведенных в Сент-Луисе. Вполне ясно, что мне нужен коллега, кто-то, кто знаком с рекой и речниками, кто мог бы выполнять рутинную работу по обслуживанию судна, дабы я мог спокойно заниматься своими делами.

Кроме того, этот коллега должен обладать и другими качествами. Он должен уметь хранить молчание, так как я не желаю, чтобы мое поведение, которое бывает порой весьма своеобразным, стало предметом пересудов. Он должен быть надежен, так как управление судном я намереваюсь всецело передать в его руки. Он должен обладать отвагой. Мне не нужен слабак или человек суеверный, как не нужен и религиозный фанатик. Вы человек религиозный, капитан?

– Нет, – ответил Марш. – Меня никогда не интересовали библейские врали, как, впрочем, и я их.

Йорк улыбнулся.

– Значит, вы прагматик. Именно такой человек мне и нужен. Человек, который сосредоточился бы на своей части работы и не задавал лишних вопросов. Я очень ценю свой покой, и если иногда мои действия могут показаться странными, или непредсказуемыми, или предосудительными, мне бы хотелось, чтобы они не обсуждались. Вам понятны мои требования?

Марш задумчиво пощипал себя за бороду.

– Если да?

– Мы станем партнерами, – сказал Йорк. – Предоставьте юристам и клеркам заниматься вашей компанией. Вы же сами отправитесь со мной в плавание по реке. Я буду выступать в роли капитана. Себя вы можете называть штурманом, помощником капитана, вторым капитаном, кем угодно. Фактически управление судном я оставляю за вами. Сам я отдавать приказы буду не часто, но, когда это случится, повиноваться мне придется

беспрекословно. С нами в путешествие отправятся мои друзья, проезд их будет бесплатным. Возможно, я посчитаю удобным найти им какое-нибудь полезное занятие на судне с определенным кругом обязанностей, который выберу по собственному усмотрению. Мои решения в этом плане обсуждению не подлежат. Во время путешествия я могу приобретать новых друзей, которых также вправе приглашать на борт. Ваша задача – относиться к ним гостеприимно. Если вы примете мои условия, капитан Марш, мы с вами быстро разбогатеет и в дальнейшем легко и с комфортом будем бороздить вашу реку.

Эбнер Марш рассмеялся.

– Что ж, очень может быть. Но это не моя река, мистер Йорк. И если вы думаете, что на старушке «Эли Рейнольдз» можно путешествовать в комфорте, то вы жестоко ошибаетесь, что поймете сразу же, как только ступите на ее борт. Это старая развалина с отвратительными условиями для проживания. Большую часть времени она перевозит иностранцев, которые едва набирают на самый дешевый билет. Они, как перекасти-поле, мотаются с одного места на другое. Я не поднимался на борт «Эди» вот уже два года. Там командует старый капитан Йегер. В последний раз, когда я катался на ней, старушка отвратительно воняла. Если вам нужен комфорт и роскошь, лучше попробуйте купить «Эклипс» или «Джона Симондза».

Джошуа Йорк сделал глоток вина.

– Послушайте, – сказал он, – давайте уйдем отсюда. Мы можем пройти ко мне в комнату и обсудить дела там.

Марш предпринял слабую попытку протеста. «Дом переселенца» всегда славился отменным выбором десерта, и ему не хотелось бы пропустить его. Но Йорк проявил настойчивость.

Комната Йорка оказалась просторной и хорошо обставленной. Это был самый лучший номер в гостинице. Обычно его оставляли для богатых плантаторов из Нового Орлеана.

– Садитесь, – командным тоном приказал Йорк и указал Маршу на массивное кресло в гостиной.

Марш сел, а его хозяин тем временем удалился во внутренние покои.

Минуту спустя он вернулся, неся с собой небольшой обитый железом сундучок. Водрузив его на стол, Йорк принялся открывать замок.

– Подойдите сюда, – сказал он Маршу, но тот уже поднялся с кресла и стад за его спиной. Йорк откинул крышку.

– Золото, – тихо пробормотал Марш. Он вытянул руку и потрогал монеты, потом пропустил их между пальцами, давая себе возможность полнее ощутить прикосновение мягкого желтого металла, его сияние и звон. Одну монетку он поднес ко рту и попробовал на зуб. – Как будто настоящее, – сказал капитан, сплевывая, и бросил монету назад в сундук.

– Десять тысяч долларов в золотых монетах достоинством в двадцать долларов, – заметил Йорк. – Кроме этого, у меня имеется еще два подобных сундучка, а также кредитные письма из банков Лондона, Филадельфии и Рима на суммы еще более значительные. Не отказывайтесь от моего предложения, капитан Марш, и вы получите второе судно, куда больше, чем ваша «Эли Рейнольдз». Или, может, я должен сказать, у нас будет второе судно? – Он улыбнулся.

Эбнер Марш намеревался отвергнуть предложение Йорка. Он очень нуждался в деньгах, но человеком был подозрительным и не привык к тайнам, а Йорк просил довериться ему полностью. Предложение выглядело слишком заманчивым; Марш не сомневался, что оно таит в себе какую-то опасность, и если он все же примет предложение, то ему ее не избежать. Однако сейчас, воочию увидев размер богатства Йорка, капитан чувствовал, как его решимость слабеет.

– Новое судно, говорите? – слабым голосом произнес он.

– Да, – ответил Йорк, – и все это не считая обусловленной суммы, которую я намереваюсь выплатить вам за половину вашей доли в грузопассажирской компании.

– Сколько.. – начал было Марш. Но во рту у него пересохло. Он нервно облизал губы. – Сколько денег вы хотите потратить на постройку нового корабля, мистер Йорк?

– А сколько нужно? – спокойно спросил Йорк.

Марш набрал пригоршню золотых монет, а потом раздвинул пальцы и позволил им высыпаться назад в сундук. Как они сияют, подумал он, а вслух произнес:

– Вам не стоит держать при себе столько денег, Йорк. Есть негодяи, способные убить человека всего лишь за одну такую монету.

– Я умею за себя постоять, капитан, – сказал Йорк.

Марш поймал его взгляд и невольно поежился. Он не позавидовал бы грабителю, позарившемуся на золото Джошуа Йорка.

– Не хотите немного пройтись со мной? До пристани?

– Вы не ответили на мой вопрос, капитан.

– Вы получите ответ. Только сначала пройдемся. У меня есть, что вам показать.

– Очень хорошо, – согласился Йорк.

Он закрыл крышку сундука, и золотое сияние, освещавшее комнату, сразу померкло. Внезапно она показалась сумрачной и тесной.

Ночной воздух был прохладен и влажен. Они шли по пустынным темным улицам, эхо гулко разносило стук сапог. Йорк двигался проворно и грациозно. Марш – с грузным достоинством. На Йорке был свободный лоцманский китель, скроенный наподобие плаща, и высокая старая касторовая шляпа, которая в свете неполной луны отбрасывала длинные тени. Марш кинул грозный взгляд в сторону темного проулка между унылыми кирпичными строениями, используемыми под склады, и постарался придать своему лицу достаточно свирепое выражение, чтобы отбить желание нападать у всякого, кто вздумает посягнуть на его достоинство.

На пристани теснились пароходы – не менее четырех десятков. Даже в этот ночной час там еще наблюдались признаки жизни. Грузчики, пристроившиеся у клетей и стогов сена, передавали из рук в руки бутылку с вином или курили глиняные трубки. На десяти или более пароклодах горели иллюминаторы. Ярko светился пакетбот «Уэйндетт», над ним

струился дымок. На палубной надстройке одного из большеколесных пароходов, где размещался капитанский мостик, партнеры заметили человека, который с любопытством рассматривал их. Эбнер Марш провел Йорка мимо него, мимо темной вереницы притихших судов с устремленными в звездное небо высокими трубами, похожими на ряд обуглившихся деревьев со странными соцветиями на вершинах.

Перед большим, витиевато украшенным большеколесным пароходом со сложенным на главной палубе грузом капитан наконец остановился. Даже в слабом свете неполной луны было видно, что судно великолепно. На всей пристани не было второго такого красавца.

– Да? – тихо, с уважением произнес Джошуа Йорк. Именно это решило дело (позже вспоминал Марш), – уважение в его голосе.

– Это «Эклипс», – пояснил Марш. – Видите, там, на рулевой рубке, обозначено его имя. – Он показал тростью. – Вы можете его прочитать?

– Вполне отчетливо. У меня превосходное ночное зрение. Это что, особое судно?

– Да, черт возьми, особое. «Эклипс» был построен в 1852 году, пять лет назад, но и сейчас выглядит великолепно. Стоит он триста семьдесят пять тысяч долларов. Во всяком случае, столько за него просят, и не зря. На этой реке никогда не было более крупного, более замечательного, более крепкого судна. Я облазил его вдоль и поперек, специально покупал на него билет. Поверьте мне, я знаю, что говорю, – подчеркнул Марш. – Размеры парохода – 365 футов на 40, его большой салон достигает в длину 330 футов. Уверен, что никогда ничего подобного вы не видели. В одном конце его помещена золотая статуя Генри Клея, в другом – Энди Джексона. Им все время приходится паяться друг на друга. Там больше хрусталя, серебра и тонированного стекла, чем могла бы себе позволить лучшая гостиница, написанные маслом картины, яства, которых вы от роду не пробовали, и зеркала, такие зеркала!..

Но все это не идет ни в какое сравнение с его скоростью. Внизу, под главной палубой, скрыты пятнадцать паровых машин. Длина хода поршня – одиннадцать футов. Могу заверить вас, нет судна на реке, способного обогнать «Эклипс», когда капитан Стерджен дает ему пара. Он с легкостью

может выжимать восемнадцать миль в час, когда вдет вверх по течению. В 53-м он даже установил рекорд по преодолению расстояния между Новым Орлеаном и Луисвиллем. Это время я знаю наизусть. Четыре дня, девять часов, тридцать минут, он на пятьдесят минут побил рекорд чертова «Шотуэлла», и это при том, что всем известно, какой быстроходный «Шотуэлл». – Марш повернулся к Йорку лицом. – Я надеялся, что моя «Леди Лиз» в один прекрасный день сменит «Эклипс», побьет его рекорд или придет за такой же короткий срок... У нее бы ничего не вышло, теперь мне это точно известно. Я просто обманывал себя. У меня никогда не было достаточно денег, чтобы построить корабль, превосходящий «Эклипс».

Вы дадите мне эти деньги, мистер Йорк, и тогда станете моим партнером. Вот вам мой ответ, сэр. Хотите получить половину компании «Река Февр»? Вам нужен молчаливый партнер, который тихо делает свое дело и не задает лишних вопросов? Прекрасно. Тогда дайте мне деньги на строительство такого судна, как это.

Джошуа Йорк долгим взглядом посмотрел на большеколесный пароход, безмятежный и спокойный. В темноте казалось, что он тихо парит над водой, готовый принять любой вызов. К Эбнеру Маршу Йорк повернулся с улыбкой на губах и отблеском неясного света в глазах.

– Идет, – только и сказал он и протянул руку.

Обнажив в косой улыбке кривые зубы. Марш заключил белую тонкую ладонь Йорка в свою мясистую лапу и пожал ее.

– Тогда договорились, – сказал он громко и стиснул руку со всей своей медвежьей мощью. Марш всегда поступал так, заключая сделки, чтобы примериться к партнерам, посмотреть, на что они способны. Руку он обычно не отпускал до тех пор, пока не замечал в глазах боль.

Но глаза Йорка оставались ясными, и его собственная ладонь крепко обхватила руку Марша с неожиданной силой. Чем крепче становилось пожатие, тем больше каменели под белой кожей мышцы, превращаясь в железные пружины, цепко обвившие руку Марша. С усилием сглотнув. Марш подавил желание вскрикнуть.

Йорк разжал ладонь.

– Пойдемте, – сказал он и чувствительно похлопал Марша по плечу, так, что тому стоило труда не зашататься. – Нужно еще обсудить кое-какие планы.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Новый Орлеан.

Май 1857 года

На Французскую биржу Билли Типтон по прозвищу Мрачный Билли прибыл сразу после десяти. В дурном расположении духа он наблюдал за продажей четырех бочонков вина, семи клетей сухого товара и партии мебели. Только после этого вывели рабов. Мрачный Билли молча стоял, уперев локти в длинную мраморную стойку бара, занимавшего половину окружности ротонды, и прихлебывал абсент. Тем временем торговцы на двух языках расхваливали свой товар.

Мрачный Билли был смугл, со страшным, как у мертвеца, вытянутым лошадиным лицом, изъеденным оспой, которой он переболел в детстве. Редкие каштановые волосы были покрыты чешуйками перхоти. Улыбался Мрачный Билли редко, а его глаза отливали пугающим льдистым цветом.

Эти глаза, холодные и опасные, служили Мрачному Билли своеобразной защитой. Французская биржа была серьезным местом, слишком серьезным, на его взгляд, к тому же Мрачный Билли терпеть не мог посещать ее. Располагалась биржа в ротонде отеля «Сент-Луис», под вздымающимся куполом, из центра которого на покупателей и продавцов лился поток дневного света. Купол в поперечнике занимал не менее восьмидесяти футов. Внутреннее помещение окружали высокие колонны, на которых были сооружены галереи. Потолок покрывала изысканная роспись, стены украшали живописные полотна. Перила и стойка бара изготовлены из цельного мрамора, полы и столы аукционных выкрикал тоже были из мрамора.

Посетители отличались такой же изысканностью, как и убранство интерьера: богатые плантаторы с верховья реки, молодые денди-креолы из старого города. Мрачный Билли презирал креолов, презирал за их богатые одежды и высокомерный вид, за темные, надменные глаза. Он не любил появляться среди них. Креолы вспыльчивы и агрессивны, им ничего не стоит вызвать человека на дуэль. Порой один из этих молодых сосунков

уже собирался наброситься на Мрачного Билли, полагая, что тот нарочно коверкает их язык и не так смотрит на их женщин. Им претил его самонадеянный американский дух, его сомнительная репутация, его неряшливость. Но стоило задирам увидеть взгляд холодных глаз Мрачного Билли, таящих в себе угрозу, как они тотчас отворачивались и ретировались.

И все же Мрачный Билли предпочитал покупать невольников на Американской бирже в «Сент-Чарльзе», где манеры были менее изысканными, вместо французского говорили по-английски, и он чувствовал себя спокойнее. Роскошь и великолепие ротонды «Сент-Луиса» не впечатляли его, единственное, что Мрачному Билли там нравилось, так это качество подаваемых спиртных напитков.

Тем не менее наведываться туда приходилось раз в месяц. Американская биржа вполне подходящее место, чтобы купить раба для работы в поле или кухарку, но чтобы найти девушку, с которой можно было бы поразвлечься, смуглолицую красавицу-октаронку того типа, который нравится Джулиану, нужно идти на Французскую биржу. Джулиану требовалась красавица, и только красавица.

Мрачный Билли поступал так, как хотел Деймон Джулиан.

Было почти одиннадцать часов, когда торговля вином закончилась, и торговцы начали выставлять к продаже живой товар из барачков, расположенных на Моро, Эспланаде и Коммон-стрит; мужчин и женщин, старых и молодых, а также детей. Удивительно много среди них было светлокожих и пригожих лицом. Имелись среди рабов и образованные и, как полагал Мрачный Билли, вероятно, некоторые говорили по-французски.

Всех их выставили на обозрение вдоль одной из стен. Несколько молодых креолов с самодовольным видом принялись бойко прохаживаться вдоль ряда, чтобы получше приглядеться к выставленному товару и обменяться впечатлениями. Мрачный Билли не тронулся с места и заказал себе еще порцию абсента. Накануне он посетил большую часть площадок, где расположились невольники, и знал, какой товар будет выставлен на продажу. Ему оставалось только ждать.

Один из аукционистов опустил на мраморную столешницу своего стола

деревянный молоток; посетители аукциона тотчас притихли и выжидающе повернули к нему головы. Он смахнул рукой, и на упаковочную клеть, пошатываясь, поднялась молодая женщина лет двадцати – квартиронка с большими глазами и по-своему хорошенькая. Одета она была в платье из набивного ситца, волосы перехвачены зеленой лентой. Аукционист с энтузиазмом принялся расхваливать ее достоинства, Мрачный Билли без интереса наблюдал за ходом торгов, за тем, как за право сделать покупку бились два молодых креола. Наконец девушку продали за тысячу четыреста долларов.

Следующей шла женщина постарше, о которой было сказано, что она прекрасная кухарка. Ее тоже продали. Потом следовала молодая мать с двумя детьми; их продали вместе. Мрачный Билли продолжал ждать. Часы показывали уже четверть первого, и в зале биржи от покупателей и зевак стало тесно, когда появился объект, выбранный им накануне.

Звали ее Эмили, как объявил выкрикала.

– Вы только посмотрите на нее, господа, – трещал он по-французски, – только посмотрите на нее. Какое совершенство! Давненько не было у нас такого лота. Уверяю вас, подобного товара вы не увидите еще много лет.

Мрачный Билли не мог не согласиться. На вид Эмили было лет шестнадцать или семнадцать, но выглядела она вполне сформировавшейся женщиной. Она стояла на возвышении и казалась несколько испуганной. Невзрачная простота платья только подчеркивала совершенство фигуры. У Эмили было красивое лицо – большие ласковые глаза и кожа цвета кофе с молоком. Джулиану она непременно понравится.

Торг оживился. Такая изысканная красота не интересовала плантаторов, однако шесть-семь креолов принялись энергично биться за девушку, взвинчивая цены. Можно было не сомневаться, что другие рабы уже просветили Эмили относительно ее дальнейшей судьбы. Она была достаточно прелестна, чтобы со временем обрести свободу и жить на содержании одного из молодых креольских щеголей в маленьком домике на Рэмпатс-стрит, во всяком случае, до тех пор, пока он не женится. Она будет посещать балы, устраиваемые для квартиронок в бальном зале Орлеана, носить шелковые платья и ленты и послужит причиной не одной дуэли. Ее дочери будут обладать еще более светлой кожей, а повзрослев, окунутся в

такую же прекрасную жизнь. Возможно, состарившись, она научится делать изысканные прически или будет содержать пансион.

Мрачный Билли с невозмутимым лицом продолжая потягивать абсент.

Цена росла. Когда она достигла двух тысяч долларов, осталось только три покупателя. В этот момент один из них, смуглолицый лысый мужчина, потребовал, чтобы девушка разделась. Выкликала отдал короткую команду, Эмили осторожно расстегнула платье, и оно соскользнуло вниз. Кто-то отпустил непристойную шутку, по залу пробежал смешок. Девушка слабо улыбнулась, а аукционист ухмыльнулся и присовокупил собственное замечание. Торги возобновились.

Когда сумма превысила две с половиной тысячи, лысый отказался от дальнейшего участия в торге. Интересовавшим его зрелищем он и так уже наслаждался. У Мрачного Билли оставалось только два соперника, оба креолы. Они поочередно опережали друг друга, подняя цену до трех тысяч трехсот долларов. Тогда накал несколько снизился. Аукционист назвал окончательную цену, предложенную более молодым из них: три тысячи триста долларов.

– Три четыреста, – спокойно вставил его оппонент.

Мрачный Билли узнал его. Это был худощавый молодой креол по имени Монтрейль, известный игрок, и дуэлянт.

Второй покупатель покачал головой; аукцион заканчивался. Монтрейль с самодовольной ухмылкой смотрел на Эмили. За секунду до того, как молоток опустился. Мрачный Билли поднялся с места и, отставив в сторону стакан с абсентом, четко и громко сказал:

– Три семьсот.

Выкликала и девушка в изумлении подняли головы. Монтрейль и несколько его приятелей метнули в сторону Билли полные угрозы взгляды.

– Три восемьсот, – не унимался Монтрейль.

– Четыре тысячи, – сказал Билли.

Это была слишком высокая цена даже для такой красавицы. Монтрейль сказал что-то своим спутникам, и все трое, резко развернувшись на каблуках и не проронив больше ни слова, покинули ротонду.

– Похоже, я выиграл аукцион, – заметил Мрачный Билли. — Оденьте ее и подготовьте отправиться со мной.

Зал с удивлением пялил на него глаза.

– Не извольте сомневаться! – сказал выкрикала.

Тем временем со своего места поднялся другой аукционист с молотком в руке и вызвал на помост другую красотку. Внимание присутствующих переключилось на нее. Торги на французской бирже продолжались.

* * *

Мрачный Билли Типтон провел Эмили длинной анфиладой круглого зала, и они вышли на улицу Сент-Луиса с ее фешенебельными магазинами. Прохожие и богатые путешественники бросали на них любопытные взгляды. От яркого дневного света у Билли заболели глаза, и он сощурился. В этот момент к нему подошел Монтрейль.

– Месье, – начал креол.

– Если хочешь говорить со мной, говори по-английски, – резко оборвал его Мрачный Билли. – Ты имеешь дело с мистером Типтоном, Монтрейль. – Его длинные пальцы нервно дернулись, и он пригвоздил креола своим ледяным взглядом.

– Мистер Типтон, – сказал Монтрейль на хорошем, без акцента, английском. Лицо креола слегка покраснело. За его спиной, вытянувшись в струнку, стояли два его спутника. – Я и раньше проигрывал девушек на аукционе, – сказал креол. – Хотя она и поражает воображение, я не считаю ее большой потерей. Меня оскорбила ваша манера ведения торга, мистер Типтон. Вы сделали из меня посмешище, подразнили победой и превратили в дурака.

– Ну-ну, – сказал Мрачный Билли, – ну-ну.

– Вы играете в опасную игру, – предупредил Монтрейль. – Вам известно, кто я? Будь вы джентльменом, я бы вызвал вас на дуэль, сэр.

– Дуэли запрещены, – заметил Билли. – Вы не слышали? А я не джентльмен. – С этими словами он повернулся к квартеронке, ожидавшей его у стены гостиницы, откуда она наблюдала за сценой. – Пойдем. – Билли свернул в переулок, и девушка последовала за ним.

– Вы за это ответите, месье! – крикнул ему вдогонку Монтрейль.

Мрачный Билли не обратил на угрозу ни малейшего внимания и свернул за угол. Двигался он быстро, и поступь его отличалась достоинством, которое не ощущалось внутри помещения Французской биржи. На этих улицах

Мрачный Билли чувствовал себя вполне уютно; здесь он вырос, здесь прошел науку выживания. Рабыня по имени Эмили, шлепая босыми ногами по каменной мостовой, семенила за ним следом, стараясь не отставать. Вдоль улиц Вье-Карре тянулись кирпичные дома, некоторые были покрыты штукатуркой. Над узкими тротуарами нависали красовавшиеся на каждом доме балкончики с изящными коваными перилами. Но сами дороги были немощеными, и прошедшие недавно дожди превратили их в грязное месиво. Вдоль тротуаров шли канавы, глубокие траншеи со стоячей водой. Оттуда несло вонью разлагающихся отходов.

Они проходили мимо аккуратных маленьких магазинчиков и барачков для рабов с забранными тяжелыми решетками окнами, мимо элегантных отелей и прокуренных лавок, торгующих спиртным, где толпились свободные негры. Мимо тесных, с застоявшимся воздухом, проулков и просторных дворов с собственными колодцами или фонтанами, мимо высокомерных креольских матрон, окруженных свитами слуг и компаньонов, мимо группы закованных в цепи и кандалы беглых рабов, которые под пристальным наблюдением белого мужчины с холодным взглядом и кнутом в руках чистили сточные канавы.

Вскоре Французский квартал остался позади, и они вошли в более новый район Нового Орлеана, где проживали американцы. Мрачный Билли оставлял лошадь привязанной возле питейной лавки. Вскочив в седло, он приказал девушке идти рядом. Из города они двинулись в южном направлении и вскоре покинули главную дорогу. Останавливался Мрачный Билли только раз, чтобы дать отдых лошади и перекусить черствым хлебом и сыром, которые он извлек из притороченной к седлу сумки. Эмили он позволил напиться из ручья.

– Вы мой новый масса, сэр? – спросила квартеронка на удивительно хорошем английском.

– Надсмотрщик, – ответил Мрачный Билли. – Сегодня вечером ты познакомишься с Джулианом, девочка. Как стемнеет. – Он улыбнулся. – Ты понравишься ему. – После этого он приказал ей замолчать.

Из-за того что девушка шла пешком, двигались они медленно и достигли плантации Джулиана только к сумеркам. Золотистая местность поросла испанским мхом, идти по которому было тяжело. Дорога тянулась вдоль

ручья, петляя в густой чаще. Они обогнули огромный высохший дуб и оказались на просторе. Впереди простирались поля, окрашенные в розовые тона мягкой вечерней зари. Тут же стоял дом.

На берегу протоки ютились старая, полусгнившая пристань и лесной склад. За большим домом сразу начинались лачуги невольников. Но рабов видно не было, и поля, похоже, несколько лет никто не обрабатывал. Дом, однако, оказался не столь велик, какими обычно бывают дома плантаторов, и не столь величествен. Это было довольно скучное строение квадратной формы из почерневшего дерева. Краска кое-где обсыпалась. Глазу зацепиться было не за что, если не считать высокой башенки со стеклянной галереей вокруг.

– Вот мы и дома, – пробормотал Мрачный Билли.

Девушка спросила, нет ли у плантации своего имени.

– Когда-то было, – ответил Мрачный Билли, – много лет назад, когда владел ею Гару, но он заболел и умер, он сам и все его распрекрасные сыновья. Теперь у нее нет имени. А пока закрой рот и поторапливайся.

К дому он подвел девушку окольным путем, остановился у своей двери с висячим замком и отпер ее ключом, который держал на цепочке на шее. В распоряжении Билли имелось три комнаты в части дома, отведенной для прислуги. Он втолкнул Эмили в спальню.

– Снимай одежду, – скомандовал Мрачный Билли.

Девушка негнушными пальцами начала послушно расстегивать платье, в глазах ее светился страх.

– Не смотри так. Ты принадлежишь Джулиану, и я не собираюсь тебя трогать. Я нагрее воды. На кухне есть ванна. Смоешь с себя грязь и переоденешься. – Он открыл деревянный шкаф с искусной резьбой и извлек оттуда платье из темного бархата. – Думаю, подойдет.

Девушка вскрикнула:

– Я не могу надеть это! Такое носят только белые леди!

– Закрой рот и делай, что тебе говорят, – рявкнул Мрачный Билли. – Джулиан хочет, чтобы ты выглядела шикарно, девочка. – Он оставил ее и прошел на хозяйскую половину дома.

Джулиан с бокалом бренди в руках тихо сидел в большом кожаном кресле. В библиотеке было сумеречно, все вокруг покрывала пыль. Со всех сторон Джулиана окружали книги, принадлежавшие Рене Гару и его сыновьям. За многие годы к ним никто не притронулся. Деймон Джулиан к числу читателей не относился.

Войдя, Мрачный Билли, не произнеся ни слова, остановился на почтительном расстоянии. Первым заговорил Джулиан.

– Ну, что?

– Четыре тысячи, – ответил Мрачный Билли, – но она придется вам по вкусу. Юная, милая и нежная, красивая, по-настоящему красивая.

– Другие вскоре придут. Алан и Жан уже здесь. У них руки чешутся. Когда она будет готова, проводи ее в бальный зал.

– Хорошо, – быстро ответил Мрачный Билли. – На аукционе возникли кое-какие проблемы, мистер Джулиан.

– Проблемы?

– Креольский мошенник по имени Монтрейль тоже хотел купить ее, и ему не понравилось, как я его обставил. Боюсь, как бы он не проявил излишнего любопытства. Он игрок и все время околачивается в игорных залах. Не нужно ли мне позаботиться о нем как-нибудь темной ночью?

– Расскажи мне о нем, – велел Джулиан.

Голос у него был тягучий, мягкий и глубокий, чувственный, богатый оттенками, как хороший коньяк.

– Молодой, смуглый, с черными глазами и черными волосами. Высокий. Говорят, дуэлянт. Крепкий мужчина. Сильный и худощавый, но со смазливой лицом, как у большинства из них.

– Я сам позабочусь о нем, – сказал Джулиан.

– Хорошо, сэр, – ответил Мрачный Билли Типтон и удалился на свою половину.

Стоило Эмили облачиться в бархатный наряд, как она сразу преобразилась. От рабыни и ребенка не осталось и следа; умытая и хорошо одетая, она стала юной женщиной таинственной, почти неземной красоты. Мрачный Билли внимательно осмотрел ее.

– Что ж, порядок, – сказал он. – Пойдем, ты отправляешься на бал.

Бальный зал был самой большой и величественной из комнат дома. Его освещали три огромных хрустальных канделябра, в каждом из которых горело не менее сотни крошечных свечей. На стенах висели колоритные полотна с изображением местных пейзажей, написанные маслом. Красивые деревянные полы сияли. В одном конце зала имелись широкие двустворчатые двери, открывающиеся в холл. С другой стороны поднималась большая лестница, раздваивающаяся наверху, перила ее тоже сияли.

Когда Мрачный Билли ввел девушку, их уже ждали.

Их было девять, включая и самого Джулиана: шесть мужчин, три женщины. На мужчинах темные костюмы европейского покроя, на женщинах – платья из бледного шелка. Все, кроме Джулиана, почтительно ожидали на лестнице, неподвижные и молчаливые. Мрачный Билли их знал: бледные женщины именовали себя Адрианна, Синтия и Валерия, смуглый красавец Раймон с мальчишечьим лицом, Курт с горящими, как уголья, глазами и прочие. Один из них, Жан, в ожидании слегка подрагивал. Его губы не в состоянии были прикрыть длинные белые зубы, кисть руки нервно трепетала. Обуреваемый жаждой, он все же не предпринимал никаких действий. Он ждал Деймона Джулиана, все они ждали Деймона Джулиана.

Джулиан пересек зал и приблизился к юной рабыне. Двигался он с природной грацией кота. Как лорд, как король. Он наступал, как наступает ползущая темнота, густая и неотвратимая. Джулиан казался смуглым, хотя его кожа была очень бледной; ее оттеняли черные вьющиеся волосы и траурный костюм, глаза сверкали как алмазы.

Он остановился напротив рабыни и улыбнулся. Джулиан обладал очаровательной улыбкой искушенного жизнью человека.

– Изумительна, – только и произнес он.

Эмили покрылась румянцем и попыталась было что-то сказать.

– Заткнись, – резко оборвал ее Мрачный Билли. – Не произноси ни слова до тех пор, пока мистер Джулиан не велит тебе.

Джулиан провел пальцем по мягкой, смуглой щеке девушки. Она вздрогнула, но усилием воли заставила себя стоять спокойно. Он лениво погладил ее волосы, потом приподнял ее лицо к своему и глазами словно подобрал девушку в себя всю, без остатка. В это мгновение Эмили смутилась и испуганно вскрикнула, однако Джулиан крепко держал ее лицо в своих руках, и она не смогла отвести взгляда.

– Замечательно. Ты прекрасна, дитя. Мы все здесь умеем ценить красоту.

Он отпустил лицо девушки, взял ее маленькую ручку в свои и, склонившись, запечатлел на внутренней стороне запястья поцелуй.

Юная невольница все еще дрожала, но сопротивления не оказывала. Джулиан слегка повернул ее и передал ее руку Мрачному Билли Типтону.

– Не окажешь ли ты честь. Билли?

Мрачный Билли отвел руку назад и вытащил нож, висевший в чехле у него на поясе. Глаза Эмили от ужаса расширились и, казалось, вот-вот выскочат из орбит. Она попыталась вырваться, но Билли крепко держал ее, к тому же он был проворен, очень проворен. Лезвие мелькнуло со скоростью молнии и тут же окрасилось кровью; один-единственный порез с внутренней стороны запястья в том месте, где Джулиан запечатлел свой поцелуй. Кровь из раны ударила фонтаном и закапала на пол. В тишине бального зала звук падающих капель раздавался гулкими ударами.

Девушка всхлипнула, однако прежде, чем она осознала, что происходит. Мрачный Билли уже спрятал свой нож в ножны и отступил в сторону, а Джулиан снова взял ее руку в свою. Он поднял тонкую руку И, припав губами к запястью, начал сосать.

Мрачный Билли удалился к двери. Остальные спустились с лестницы и подошли ближе. Женские наряды издавали мягкое шуршание. Жадным кругом сомкнулись они вокруг Джулиана и его жертвы. Их темные глаза горели. Когда Эмили потеряла сознание. Мрачный Билли тотчас подскочил к ней и подхватил под руки, чтобы рабыня не упала. Веса ее он почти не ощутил.

– Такая красавица, – с улыбкой пробормотал Джулиан, наконец оторвавшись от нее. Губы его блестели влагой, взгляд был тяжелым и сытым.

– Пожалуйста, Деймон, – взмолился тот, которого звали Жан. Он дрожал так, словно его била лихорадка.

Кровь темной струйкой медленно текла по руке Эмили. Джулиан смерил Жана холодным, зловещим взглядом.

– Валерия, – произнес он, – твоя очередь.

Вперед вышла бледная молодая женщина с фиалковыми глазами в желтом платье, грациозно опустилась на колени и принялась лизать жутковатую струйку. Только после того, как рука стала чистой, она прижала рот к открытой ране.

Следующим, по велению Джулиана, наступил черед Раймона, потом Адрианны, Хорхе. Только после того, как насытились все, Джулиан с улыбкой повернулся к Жану и подал знак. Тот набросился на свою жертву с едва сдерживаемым рыданием и, вырвав ее из рук Мрачного Билли, зубами начал терзать нежную плоть шеи.

Деймон Джулиан с отвращением поморщился.

– Когда он насытится, – обратился хозяин к Мрачному Билли, – убери тут все.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Нью-Олбани, Индиана. Июнь 1857 года

На реке лежал плотный туман, воздух был влажным и промозглым. Стрелки часов миновали полуночную отметку, когда на опустевшей судоверфи Нью-Олбани Джошуа Йорк, наконец вернувшийся из Сент-Луиса, встретился с Эбнером Маршем. К тому времени как Йорк словно некое призрачное видение возник из тумана. Марш прождал его уже около полчаса. Следом за ним, бесшумные, как тени, вошли еще четверо.

Марш в ухмылке обнажил зубы.

– Джошуа, – сказал он и любезно кивнул остальным.

С ними капитан уже встречался в апреле в Сент-Луисе до того, как предпринял поездку в Нью-Олбани, чтобы полюбоваться воплощением в жизнь своей мечты. Все они были друзьями Йорка и его спутниками в путешествиях, но более пестрой компании Марш еще не встречал. Двое оказались мужчинами неопределенного возраста с иностранными именами, которые нельзя было ни запомнить, ни произнести; к великому удовольствию Йорка, он называл их Смит и Браун. Они вечно препирались на каком-то заморском наречии. Третьим был уроженец Восточного побережья, человек с ввалившимися щеками, который одевался как гробовщик. Звали его Саймон, он практически никогда не разговаривал. Женщина по имени Кэтрин, похоже, была англичанкой. Высокая и несколько сутуловатая, с болезненным, пустым взглядом, своим видом она напоминала Маршу большого белого ястреба. Но она, как и все остальные, тоже относилась к числу друзей Йорка, а тот предупреждал капитана, что среди его друзей могут попадаться люди весьма своеобразные, так что Эбнер Марш держал язык за зубами.

– Добрый вечер, Эбнер, – сказал Йорк. Он остановился и осмотрел судоверфь, где в сером тумане просматривались силуэты многочисленных островов недостроенных пароходов. – Холодноватая ночь для июня, верно?

– Ваша правда. Вы далеко остановились?

– Я снял номер в Голт-Хаус в Луисвилле. Нам пришлось нанять лодку, чтобы перебраться на другой берег. – Его холодные серые глаза с особым интересом осматривали пароход, находившийся ближе других. – Наш?

Марш фыркнул.

– Эта кроха? Конечно, нет. Это дешевое заднеколесное суденышко, которое строится для торговли в Цинциннати. Полагаю, вам не могло прийти в голову, что я поставлю на нашем судне гребное колесо сзади?

Йорк улыбнулся.

– Простите мне мою невежественность. Тогда где же наше детище?

– Извольте идти за мной, – сказал Марш, сопроводив свои слова широким взмахом трости.

Они прошли половину верфи.

– Вот, – наконец остановился Марш.

Туман, словно по заказу, несколько развеялся, и глазам предстало гордое и высокое судно, рядом с которым все остальные казались карликами. Каюты и поручни сверкали свежей, белой как снег краской, которая светилась даже в сером мареве тумана. Устремленная к звездам, расположенная на палубной надстройке рулевая рубка, казалось, мерцала; стеклянный храм с изысканно убраным куполом украшала филигранно выполненная резьба, богатством узора напоминавшая ирландское кружево. Трубы – двойные колонны, стоявшие перед палубной надстройкой – гордо вздымались вверх.

В туманной ночи среди более мелких и простых судов этот пароход казался видением, белым призраком из мечты речника. При виде его захватывало дух.

Смит что-то протараторил, и Браун ответил ему на том же тарабарском языке. Джошуа Йорк молча смотрел, затем кивнул.

– Мы создали нечто прекрасное, Эбнер, – сказал он.

Марш заулыбался.

– Я не ожидал увидеть его почти готовым, – добавил Йорк.

– Это Нью-Олбани, – пояснил Марш. – Потому я и приехал сюда, вместо того чтобы заложить судно на верфях Сент-Луиса. Судостроением они занимались еще в те времена, когда я был мальчишкой. В прошлом году они построили двадцать два корабля. Вероятно, столько же сойдет на воду и в этом году. Я знал, что они нас не подведут.

Я прибыл сюда с одним из твоих сундучков с золотом и вывалил его содержимое на стол управляющего, а потом сказал ему: «Хочу, чтобы для меня был построен пароход, хочу, чтобы построен он был срочно, еще я хочу, чтобы он был самым быстроходным, самым прекрасным я самым лучшим судном из всех, которые вы когда-либо строили, понятно? А теперь найдите мне механиков, самых лучших. Хоть из-под земли достаньте, меня это не касается. Но видеть их я хочу сегодня же, чтобы вечером мы могли начать. Также достаньте мне лучших плотников, маляров и конструкторов паровых котлов и прочих специалистов самой высшей квалификации. Если, не дай бог, среди них попадутся не самые лучшие, вы позавидуете мертвым». – Марш рассмеялся. – Нужно было видеть управляющего. Он не знал, то ли ему смотреть на это золото, то ли слушать меня. И то, и другое запугало его до полусмерти. Но свою службу он знает и выполнил то, чего мы от него ждали. – Марш кивнул в сторону судна. – Конечно, оно не закончено. Еще не покрашены кромки. Я хочу, чтобы их выкрасили в голубой и серебряный цвета, чтобы сочеталось с серебром, которым по твоему желанию изобилует салон. Кроме того, мы не получили кое-что из причудливой мебели и зеркала, которые ты заказал в Филадельфии, и тому подобные вещи. Но в основном пароход закончен, Джошуа, и почти готов сойти со стапелей. Пойдемте, я покажу вам.

На корме, на груде досок, рабочие оставили фонарь. Марш чиркнул спичкой о сапог, зажег фонарь и передал Брауну.

– Вот, понесете его, – коротко бросил он и, тяжело ступая, пошел вдоль длинного борта по направлению к главной палубе, остальные вереницей последовали за ним. – Будьте осторожны, старайтесь ни к чему не прикасаться, краска кое-где еще не высохла.

Нижняя, или главная, палуба была сплошь уставлена машинами. Фонарь загорелся ровным ясным светом, но Браун постоянно крутился, так что тени исполинских машин дергались и прыгали, как живые существа.

– Послушайте, держите фонарь ровно, – приказал Марш. Он повернулся к Йорку и своей тростью из пекана, похожей на длинный палец, указал на паровые котлы, огромные металлические цилиндры, идущие вдоль обеих сторон передней части палубы.

– Восемнадцать паровых котлов, на три больше, чем у «Эклипса». Каждый тридцати восьми дюймов в диаметре, двадцати восьми футов длиной. – Он качнул тростью. – Все топки выложены огнеупорным кирпичом и обшиты листовым железом, установлены на консолях и не соприкасаются с палубой, так что вероятность пожара сведена до минимума. – Далее Марш показал на трубы, идущие от котлов к паровым машинам, и присутствующие повернулись в сторону кормы. – Пароход оснащен тридцатидюймовыми цилиндрами, способными выдерживать высокое давление, ход поршня равен одиннадцати футам, то есть такой же, как на «Эклипсе». Должен вам сказать, что это судно будет летать по нашей старушке-реке как птичка.

Браун снова что-то затараторил, Смит так же нечленораздельно ответил ему, а Джошуа улыбнулся.

– Пройдемте наверх, – предложил Марш. – Похоже, твоих друзей не слишком интересует машинное отделение, но то, что они увидят наверху, им непременно понравится.

Лестница была широкой, с богатой отделкой: полированный дуб с изящными, в форме ножек бокалов, перилами. Она начиналась почти у самого носа корабля. Благодаря своей ширине лестница полностью скрывала от постороннего взгляда машинное отделение. Выше она раздваивалась и, изящно изгибаясь, расходилась в противоположные стороны, давая доступ на вторую палубу, называемую котельной.

Они прошли вдоль правого борта судна. Возглавлял процессию Марш, размахивающий тростью, следом за ним шел Браун с фонарем. Сапоги гулко печатали шаг по звонкому дереву верхней палубы. Все с восхищением разглядывали тонкую готическую резьбу стоек и перекладин

перил. Изысканной формы, они сплошь были покрыты орнаментом, составленным из цветов, причудливых завитков и желудей. С носа до кормы протянулся бесконечный ряд дверей и окон кают – все двери из темного орехового дерева, а окна застеклены витражами.

– Каюты пока не обставлены, – сказал Марш и открыл дверь одной из них. – Мы заказали лучшие пуховые матрасы и подушки. В каждой каюте будет зеркало и масляная лампа. Каюты второго класса больше обычных. Несмотря на то что наше судно не сможет брать столько же пассажиров, как другое такого же размера, здесь больше места. – Он улыбнулся. – Поэтому и стоимость проезда сделаем выше.

В каждой каюте имелось по две двери; одна вела на палубу, вторая внутрь корабля, в большой салон – кают-компанию парохода.

– Кают-компания пока не завершена, – заметил Марш, – но все же давайте пройдем и посмотрим.

Войдя в главное помещение судна, они остановились. Браун поднял фонарь высоко над головой, чтобы осветить пространство необъятного салона. Большой зад протянулся на всю длину паровой палубы. Ничто не прерывало его простора, если не считать прохода посередине.

– На носу судна располагается кают-компания для джентльменов, на корме – для дам. – Марш поднял трость к потолку. – Сейчас в такой темноте ничего не видно, однако хочу обратить ваше внимание на то, что световые люки над салоном оснащены витражными стеклами. Мы собираемся застелить пол брюссельскими коврами, а также положить ковры в каждой каюте первого класса. На деревянном столике оригинальной конструкции поставим серебряный сосуд с прохладительными напитками и серебряные же фужеры. У нас будет рояль и новенькие, с иголки, бархатные кресла. На столы постелем настоящие льняные скатерти. Но пока ничего этого здесь нет.

Даже без ковров, зеркал и мебели вытянутый в длину салон представлялся роскошным. Люди в молчании медленно прошли по нему. Неверный свет фонаря выхватывал из темноты те или иные фрагменты величавой красоты, которая за их спинами тут же снова исчезала во мраке. Высокий сводчатый потолок поддерживался изогнутыми балками, покрытыми тонкой, ажурной,

как дорогое кружево, резьбой и расписанными яркими красками. Двери кают первого класса украшали стройные рифленые колонны. Стойка бара была сработана из черного мрамора с характерными прожилками. Двойной ряд канделябров, каждый из которых венчали четыре больших хрустальных шара, поддерживался в висячем положении тонкой вязью кованого железа. Нужно только налить масла и чиркнуть спичкой, чтобы мерцающий свет озарил все **это** великолепие, отразил его в зеркалах и оживил грандиозный зал.

– Я бы сказала, что каюты второго класса слишком малы, – вдруг заметила Кэтрин, – хотя кают-компания будет великолепна.

Марш сердито посмотрел на нее.

– Каюты достаточно велики, мэм. Восемь квадратных футов. Обычно они не превышают шести. Это же пароход, как вы знаете. – Он отвернулся от Кэтрин и снова указал тростью. – Контора будет помещаться там. Кухня и прачечные разместятся возле кожухов гребных колес. У меня на примете имеется кок, которого я хотел бы нанять. Когда-то он работал на моей «Леди Лиз».

Крыша паровой палубы служила одновременно и навесной палубой. Гости поднялись по узкому трапу и оказались перед большими черными дымовыми трубами, затем по более короткому трапу прошли на палубную надстройку, которая от дымовых труб вела к кожухам гребных колес.

– Каюты команды, – бросил Марш, не став утруждать себя их обходом.

На корабельной надстройке размещался капитанский мостик, куда он и привел группу.

Оттуда, как на ладони, просматривалась вся судоверфь. Другие, менее крупные корабельные конструкции тонули в тумане. Дальше виднелись черные воды реки Огайо, и даже дальние огни Луисвилла призрачно мерцали в темном мареве. Просторное помещение капитанского мостика изнутри было обито плюшем. В оконных рамах стояло стекло лучшего в мире качества, его края окаймляли полосы витражей. В свете фонаря рубка сияла полированным темным деревом и Холодным бледным блеском начищенного серебра.

Тут размещался штурвал. Видна была только его верхняя часть, но даже видимая его часть поднималась до уровня роста Марша, в то время как нижняя уходила в специальную прорезь в полу. Штурвал был сделан из мягкого тикового дерева и на ощупь казался прохладным и гладким. Его спицы перехватывали замысловатые серебряные обручи, похожие на подвязки танцовщиц из мюзик-холла. Штурвал, казалось, не мог дожидаться, когда руки рулевого обнимут его.

Джошуа Йорк подошел к рулевому колесу, дотронулся до него и бледной ладонью провел по черному дереву и серебряным обручам. Потом взял его так, как если бы сам был рулевым, и замер со штурвалом в руках, устремив серые глаза, в которых зажегся непонятный огонь, в непроглядную ночь, в июньский туман, несвойственный этому времени года. Все остальные умолкли, и даже Эбнеру Маршу в какой-то миг показалось, что пароход пришел в движение и по течению темной реки его воображения отправился в путешествие, странное и нескончаемое.

Наконец Джошуа Йорк повернулся и нарушил тишину.

– Эбнер, – сказал он, – мне бы хотелось научиться управлять этим судном. Ты сможешь научить меня?

– Управлять? – с удивлением переспросил Марш.

Ему не стоило труда представить партнера в роли капитана или хозяина парохода, но управление судном – нечто иное. Все же этот вопрос сделал партнера более понятным для капитана и позволил почувствовать к нему некоторое расположение. Эбнеру Маршу было хорошо известно, что значит это чувство, желание управлять кораблем.

– Что ж, Джошуа, – сказал Марш, – когда-то и я стоял за штурвалом судна, надо тебе сказать, это одно из грандиознейших ощущений на свете. Ничто не может сравниться с ним. Однако научиться этому с ходу нельзя, думаю, ты понимаешь, о чем я говорю.

– С первого взгляда кажется, что крутить колесо не представляет никаких сложностей, – сказал Йорк.

Марш рассмеялся.

– Конечно, нет. Но нужно не столько крутить колесо, сколько узнать саму реку, Йорк. Старушку Миссисипи. Я, прежде чем стать владельцем собственного судна, проходил рулевым восемь лет. Мне разрешалось водить суда по верховьям Миссисипи и Иллинойса. Только Огайо и Миссисипи в нижнем течении были для меня закрыты. Несмотря на знание речного и пароходного дела, я не отважился бы пуститься в плавание по тем рекам, слишком был велик риск расстаться с жизнью – я не знал их. Те, другие, были мне известны. Теперь, когда я уже столько лет не входил в рулевую рубку, чтобы снова начать водить пароход, мне пришлось бы заново изучать реки. Река меняется, Джошуа, это я тебе точно говорю. Она никогда не бывает одинаковой, даже если ты пройдешь по ней два раза подряд. Нужно знать каждый дюйм ее, как свои пять пальцев. – Марш торжественно подошел к штурвалу и благоговейно опустил на него одну руку. – Теперь мне хотелось бы хоть раз встать за штурвал этого судна. Когда мы будем состязаться с «Эклипсом», отстоять одну вахту, если ты понимаешь, о чем я говорю. Но это судно слишком роскошно для верховий Миссисипи. Ему нужен Новый Орлеан, не меньше, а это значит, нижнее русло реки, так что мне самому предстоит учиться. Мне придется изучать каждый фут его, будь он неладен. Для этого нужно время, нужно чертовски много приложить труда. – Он посмотрел на Йорка. – Сейчас, когда я объяснил, что к чему, ты по-прежнему хочешь быть рулевым?

– Мы могли бы учиться вместе, Эбнер, – ответил Йорк.

Тем временем спутники Йорка начали проявлять беспокойство. Они бродили от окна к окну, Браун то и дело перекладывал фонарь из одной руки в другую. Саймон стал еще мрачнее и своим видом все более напоминал покойника. Смит на своем языке сказал что-то Йорку, и тот кивнул:

– Нам пора возвращаться.

Марш в последний раз огляделся. Даже сейчас ему не хотелось уходить.

Когда они выбирались из судоверфи, Йорк обернулся и бросил прощальный взгляд на их пароход, стоявший на стапелях. Его силуэт смутным бледным пятном выделялся на темном фоне. Все остановились и безмолвно ждали.

– Ты знаешь, кто такой Байрон? – спросил Йорк Марша.

Марш на минуту задумался.

– Я знаю парня по имени Блэкджек Пит, он был рулевым на «Большом турке». Мне кажется, его второе имя было Брайан.

Губы Йорка тронула улыбка.

– Не Брайан, а Байрон. Лорд Байрон, английский поэт.

– А-а-а, – протянул Марш. – Вот ты о ком, я не слишком силен в поэзии. Но думаю, что слышал о нем. Он хромот, верно? И еще волочился за дамами.

– Тот самый, Эбнер. Поразительный человек. Мне выпал случай однажды повстречаться с ним. Наш пароход напомнил мне одно написанное им стихотворение. – Йорк начал декламировать:

**Она идет во всей своей красе —Светла, как ночь ее страны.Вся глубь
небес и звезды всеВ ее очах заключены,Как солнце в утренней росе,Но
только мраком смягчены.[note 2](#)**

– Байрон, конечно же, писал о женщине, но слова, как мне кажется, можно отнести и к нашему судну, правда [note 3](#) ? Взгляни на него, Эбнер! Что скажешь?

Бывалый речник толком не знал, что ответить.

– Очень интересно, Джошуа, – только и сумел он выдать из себя.

– Как мы назовем его? – спросил Йорк, по-прежнему не сводя глаз с парохода. На губах его играла легкая улыбка. – Стихотворение не навело тебя ни на какую мысль?

Марш нахмурился.

– Не станем же мы называть судно именем какого-то хромого британца!..

– Нет, – успокоил его Йорк. – Нет, я и не думал предлагать это. Мне в голову пришло нечто иное, вроде «Смуглой леди» или...

– У меня у самого есть кое-какая задумка, – прервал его Марш. – Мы грузопассажирская компания «Река Февр», в конце концов, а это судно – воплощение моей самой сокровенной мечты. – Он поднял свою трость и указал на рулевую рубку. – Мы там напишем большими голубыми с серебром буквами нечто действительно мечтательное. «Грёзы Февра». – Он улыбнулся. – «Грёзы Февра» против «Эклипса». Об этой гонке будут говорить и после нашей смерти.

На какое-то мгновение в серых глазах Джошуа промелькнуло что-то странное, но исчезло так же быстро, как и появилось.

– «Грёзы Февра»... Тебе не кажется, что твой выбор несколько... зловещ, что ли? Мне он напоминает о недуге, лихорадке и смерти, искаженных видениях. Грезы, которые не должны грезиться, Эбнер.

Марш нахмурился.

– Мне ничего об этом неизвестно. Это название мне нравится.

– Будут ли люди путешествовать на судне с таким названием? Известно, что пароходы распространяют тиф и желтую лихорадку. Разве нужно нам напоминать им о подобных вещах?

– Они же не отказываются путешествовать на моем «Прекрасном Февре». Не отказываются они ездить и на «Военном орле», и на «Призраке», даже на судах, названных в честь краснокожих индейцев.

Тощий спутник Йорка по имени Саймон снова что-то сказал хриплым голосом, напомнившим Маршу звук пилы. Слова были произнесены на неизвестном капитану языке, отличающемся от того, на котором переговаривались Смит и Браун. Йорк выслушал его, и лицо его приняло задумчивое выражение, хотя все еще оставалось обеспокоенным.

– «Грёзы Февра», – снова повторил он. – Я надеялся... что название будет более жизнерадостным, однако Саймон доказал мне твою правоту, Эбнер. Итак, пусть будут «Грёзы Февра».

– Вот и славно, – обрадовался Марш.

Йорк с отсутствующим видом кивнул.

– Встретимся завтра за ужином в «Голт-Хаус». В восемь. Тогда составим план путешествия в Сент-Луис, обсудим состав команды и снаряжение судна. Устраивает?

Свое согласие Марш выразил в грубоватой форме. Йорк и его спутники направились к ожидавшей их лодке и растворились в тумане. Еще долго после их ухода Марш оставался на судовой палубе и молча всматривался в застывший, немой силуэт парохода.

– «Грёзы Февра», – вслух произнес он, чтобы проверить, как воспринимается название на слух.

Странно, но впервые это имя показалось его слуху чуждым, чреватым скрытым смыслом, который ему не понравился. Внезапно Марш ощутил необъяснимый озноб и содрогнулся, потом прохрипел что-то нечленораздельное и отправился спать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. На борту парохода «Грёзы Февра». Река Огайо, июль 1857 года

Пароход «Грёзы Февра» вышел из Нью-Олбани, когда уже опустились сумерки. Стояла удушливая ночь начала июля. За все годы, проведенные на реке, у Эбнера Марша не было более приподнятого настроения, чем в тот день. Утро капитан провел в Луисвилле и Нью-Олбани, заканчивая последние дела; за это время он нанял парикмахера, пообедал с работниками судоверфи и отправил несколько писем. В послеполуденный зной Марш наконец обосновался у себя в каюте, после чего занялся проверкой готовности судна к отплытию и встречей пассажиров, купивших билеты в каюты первого класса. Ужин прошел в спешке – следовало еще побывать на основной палубе, проверить состояние паровых машин, проследить за погрузкой и работой помощника капитана. Солнце немилосердно палило, воздух был влажным и неподвижным. Портовые рабочие, обливаясь потом, по узким сходням поднимали на пароход оставшиеся клетки с грузом, тюки и бочки. Помощник капитана, изрыгая потоки брани, то и дело подгонял их. Марш знал, что по другую сторону реки на пристани Луисвилла готовились к отправке другие пароходы:

большой неповоротливый «Джекоб Стрейдер», занимающийся почтовыми перевозками, быстроходный «Южанин» из грузопассажирской компании Цинциннати и Луисвилла, а также с полдюжины других суденышек помельче. Время от времени он бросал в их сторону взгляды, желая узнать, не пойдет ли какое из них вниз по реке. Несмотря на одуряющую жару и рой moskitov, с заходом солнца поднимавшихся от воды, чувствовал себя Марш просто великолепно.

Свободное от паровых котлов, топок и машин пространство основной

палубы было сплошь уставлено грузом. Пароход вез сто пятьдесят тонн расфасованного в тюки листьев табака, тридцать тонн железных болванок, бесчисленное количество бочек с сахаром, мукой и бренди, упаковки с причудливой мебелью для какого-то богача из Сент-Луиса, пару блоков соли, несколько рулонов шелковой и хлопчатобумажной ткани, тридцать бочонков с гвоздями, восемнадцать ящиков с ружьями, книгами, бумагой и всякой всячиной.

Еще он вез свиной жир. Дюжину больших бочонков прекрасного свиного жира. Но жир не был грузом в полном смысле слова, его закупил и приказал погрузить сам Марш.

На основной палубе среди груза и машин толклись пассажиры – мужчины, женщины, дети. Их было не меньше, чем вьющихся над рекой мошек. Почти три сотни. Заплатив всего по одному доллару, они получили возможность добраться до Сент-Луиса. Такая мизерная оплата давала только право проезда; еду, чтобы питаться в дороге, они брали с собой. Счастливицам удалось найти на палубе более или менее пригодное место для сна. Основную часть пассажиров составляли иностранцы: ирландцы, шведы, рослые голландцы. Они орали друг на друга на непонятных Маршу языках, выпивали, грязно ругались и шлепали своих детей. Там же, внизу, можно было увидеть несколько охотников и простых рабочих, которым оказалось по карману купить билет по сходной цене, предложенной Маршем.

Пассажиры, занимавшие каюты второго класса, платили за место по десять долларов, во всяком случае, те из них, кто следовал до самого Сент-Луиса. Несмотря на такую цену, билеты почти во все каюты были распроданы. Клерк из судовой конторы сообщил, что на борту сто семьдесят семь пассажиров первого и второго класса. Число это с двумя семерками Марш рассматривал как хороший знак. В списке пассажиров значились десятка полтора плантаторов, глава крупной компании из Сент-Луиса по производству мехов, два банкира, британец с тремя дочерьми и четыре монахини, следующие в Айову. На борту также находился священник; впрочем, серой кобылы с ним не было. Среди речников бытовала дурная примета: священник и серая кобыла на борту – быть беде.

Что касается команды, то Марша она вполне удовлетворяла. Двое нанятых рулевых ничего собой не представляли, их взяли временно, чтобы довести

судно до Сент-Луиса. Они хорошо знали реку Огайо, а далее пароходу предстояло обслуживать маршруты Нового Орлеана. Марш разослал письма в Сент-Луис и Новый Орлеан, и в «Доме переселенца» их уже ждали два лоцмана, хорошо знакомых с Миссисипи в ее нижнем течении. Все остальные члены команды были такими же опытными, как и на любом другом речном судне, и Марш был уверен в них.

В качестве механика он взял вспыльчивого свирепого вида маленького человечка с бакенбардами по имени Уайти Блейк. Белые его бакенбарды постоянно носили следы копоти от паровых машин. Уайти работал у Эбнера Марша сначала на «Эли Рейнольдз», позже – на «Элизабет», и теперь вот на «Грезах Февра». Марш был уверен, что лучше этого человека никто не знает паровых машин.

Клерк Джонатан Джефферс носил очки в золотой оправе, зачесанные назад каштановые волосы и изысканные, застегивающиеся на пуговицы гетры. В конторской работе равных ему не было. Джефферс умел лихо заключать мелкие коммерческие сделки, никогда ни о чем не забывая. Человеком он был скаредным и даже в шашки играл на деньги. До того момента, как Марш пригласил Джефферса на «Грёзы Февра», тот служил в главной конторе компании. Он согласился, ни минуты не колеблясь. Несмотря на щеголеватую внешность, Джефферс был речником до мозга костей и никогда не расставался со своей тросточкой с вложенной в нее шпагой с золотой рукояткой.

Коком Марш взял вольноотпущенного цветного по имени Тоби Лэньярд. Тот проработал у Марша четырнадцать лет. Впервые его стряпню Марш попробовал в Натчезе, тогда он выкупил Тоби и дал ему свободу. Боцманом на пароход Марш взял Майкла Теодора Данна, который одновременно исполнял и обязанности помощника капитана. Но по имени его не называл никто, кроме портовых грузчиков, которые обращались к нему не иначе, как «мистер Данн, сэр». Все остальные звали его Волосатым Майком. Это был детина исполинских размеров и самый жадный и упрямый человек на всей реке. Росту в нем было не менее шести футов. Зеленые глаза, черные бакенбарды. Руки, нога и грудь покрыты густыми черными волосами. Майк славился сквернословием и дурным характером и нигде не появлялся без своей черной железной палки длиной в три фута. Эбнер Марш никогда не видел, чтобы Волосатый Майк кого-нибудь ударил ею, но она всегда была крепко зажата в его ладони. Портовые грузчики рассказывали, что однажды

он раскроил череп неловкому бедолаге, умудрившемуся уронить в реку бочонок с бренди. Боцманом Майк был жестоким, однако справедливым, и под его присмотром погрузо-разгрузочные работы проходили, как правило, без происшествий. Не было на реке человека, который не уважал бы Волосатого Майка Данна.

Одним словом, команда на «Грезах Февра» подобралась на славу. С самого первого дня все они трудились, не покладая рук. К тому времени, когда над Нью-Олбани высыпали первые звезды, груз и пассажиры, аккуратно внесенные в списки, были на борту. Давление в паровых котлах поднялось на нужный уровень, ревущие топки отбрасывали вокруг багровый свет, и на основной палубе стало жарко. На камбузе готовилась вкусная еда. Еще раз все проверив, Эбнер Марш наконец поднялся на капитанский мостик. Поражая роскошью и благородством, тот с достоинством возвышался над всем этим ревущим адом и сумятицей.

– Отчаливай, – скомандовал он рулевому.

Рулевой приказал поддать в машины пару и дал двум огромным боковым колесам задний ход. Эбнер Марш, стоя в стороне, с уважением наблюдал за действиями рулевого. «Грёзы Февра» плавно выходил в черные, освещенные звездами воды Огайо.

Выведя судно на открытое пространство, рулевой, застопорив машину, направил его по течению. Большой корабль, слегка задрожав, легко скользнул в главный канал. Колеса, шлепая по воде, запели хорошо знакомую песню. Судно, благодаря совокупным усилиям паровых машин и скорости реки, двигалось все быстрее и быстрее, стремительное, как мечта моряка, стремительное, как грехопадение, стремительное, как сам «Эклипс». Высоко над головами две стройные трубы выпустили два длинных клуба черного дыма. Рассыпался, чтобы исчезнуть позади, фейерверк искр, похожий на рой красных и оранжевых светляков. Отдельные искры долетали до воды. Для Эбнера Марша зрелище дыма, пара и мерцающих искр было более прекрасным и грандиозным, чем фейерверк в Луисвилле, виденный им Четвертого июля.

Наконец рулевой протянул руку и подал паровой гудок, длинный пронзительный свист которого почти оглушил всех. Тон его ласкал Маршу слух, мощный, с надрывом, он должен был быть слышен на многие мили

вокруг.

Только когда огни Луисвилла и Нью-Олбани исчезли за их спинами, и «Грёзы Февра», окутанный паром, принялся плавно рассекать грудью гладь вод, заключенную между берегами, черную и пустынную, как столетие назад, Эбнер Марш увидел, что на капитанский мостик поднялся Джошуа Йорк.

Одет он был с иголочки, в белоснежных штанах и таком же фраке, в жилете густо-голубого цвета и белой сорочке с многочисленными рюшами, воланами и кружевами. На шее повязан голубой шелковый галстук. Из кармашка жилета свешивалась серебряная цепь от часов. Один из бледных пальцев украшал большой серебряный перстень со сверкающим голубым камнем. Белый и голубой в сочетании с серебром были цветами парохода, и Йорк выглядел неотъемлемой частью его.

– О, мне нравится твой костюм, Джошуа, – не преминул заметить Марш.

Йорк улыбнулся:

– Спасибо, он как будто к месту. Ты тоже выглядишь потрясающе.

Марш купил себе новый капитанский китель с блестящими медными пуговицами и фуражку с вышитым на ней серебряной нитью названием парохода.

– Да-а-а, – протянул Марш. С комплиментами у него дела обстояли туго, гораздо проще и легче ему было выругаться. – Ты уже проснулся, когда мы отчаливали?

Большую часть дня, пока Марш, обливаясь потом и нервничая, фактически выполнял обязанности капитана, Йорк проспал у себя в капитанской каюте, размещенной на палубной надстройке. Марш постепенно привыкал к образу жизни, который вел Йорк и его компаньоны: днем они почивали и бодрствовали ночью. Как-то раз он выразил свое удивление; Джошуа только улыбнулся и снова прочел ему стихотворение о «броском одеянье дня».

– Я стоял на штормовом мостике перед трубами и видел, как мы отчаливали. Там было довольно прохладно.

– При быстром движении судна возникает сильный ветер, – пояснил Марш. – Значения не имеет, какая жаркая стоит погода или как сильно горят топки. Наверху всегда приятно и прохладно. Иногда я испытываю жалость к тем, кто едет на основной палубе, но что, черт возьми, я могу поделать, если за такой проезд они платят жалкий доллар.

– Конечно, – согласился Джошуа.

В этот момент судно слегка дрогнуло.

– Что это было? – поинтересовался Йорк.

– По всей видимости, мы наскочили на большое бревно, – ответил Марш. – Правильно я говорю? – спросил он у рулевого.

– Да, зацепили краем, – ответил речник. – Не беспокойтесь, капитан. Повреждений нет.

Эбнер Марш кивнул и повернулся к Йорку.

– Что ж, может быть, пройдем вниз, в кают-компанию? Там должны собраться все пассажиры. Сегодня первая ночь на корабле, они могут волноваться. Нам нужно увидеться с ними, успокоить всех, проследить за тем, чтобы все шло своим чередом.

– С радостью, – согласился Йорк. – Но для начала, Эбнер, не зайдешь ли ты на минуту ко мне? Хочу угостить тебя вином. Мы должны отпраздновать начало плавания, не так ли?

Марш пожал плечами.

– Выпить по стаканчику? Почему бы и нет? – Он отдал честь рулевому. – Доброй ночи, мистер Дейли. Я прикажу прислать вам кофе, выпьете, когда пожелаете.

Оставив рулевую рубку, Марш и Йорк направились к капитанской каюте. У двери они немного задержались, пока Йорк отпирал замок. Он настоял на том, чтобы его собственная и все остальные каюты первого класса были оснащены хорошими замками. Маршу это показалось довольно странным, однако он закрыл на это глаза. В конце концов, Йорк не привык к жизни на

борту парохода, к тому же большинство остальных его просьб оказались довольно разумными, как, скажем, все это серебро и зеркала в главном салоне, превратившие его в такое восхитительное место.

Каюта Йорка в три раза превосходила пассажирские каюты первого класса по длине и вдвое по ширине. По пароходным стандартам она была просто огромной. Марш пришел туда впервые с тех пор, как в ней обосновался Йорк. Он с любопытством огляделся. Пара масляных ламп, подвешенных на противоположные стены, заливали каюту теплым уютным светом. Широкие окна с витражами были затемнены; их закрывали жалюзи и занавеси из тяжелого черного бархата, который в свете ламп казался мягким и богатым. В одном углу стоял высокий комод с тазиком для воды. На стене, висело оправленное в серебро зеркало. Кровать с пуховой периной была узкой, но вполне удобной. Тут же имелись два кожаных кресла и большой широкий письменный стол розового дерева со множеством ящичков, полочек и других укромных мест. Он одиноко стоял у одной из стен. Над ним висела добрая старая карта бассейна реки Миссисипи. Стол был завален фолиантами в кожаных переплетах и кипами газет – еще одна из особенностей Джошуа Йорка: он читал необычно много газет, собранных чуть ли не со всего света; у него были газеты из Англии, газеты на разных языках, в обязательном порядке он читал «Трибюн» мистера Грили и «Геральд» из Нью-Йорка, а также все газетные издания Сент-Луиса и Нового Орлеана и бесчисленное множество разнообразных еженедельников маленьких речных городков. Каждый день ему доставляли груды газет. Но его интересовали и книги; в каюте имелся высокий книжный шкаф, забитый до отказа. Книги громоздились и на ночном столике возле кровати. На стопке книг стояла полусгоревшая свеча.

Эбнер Марш не стал терять времени на рассматривание книг. Рядом с книжным шкафом располагалась деревянная стойка для запасов вина. Аккуратными рядами там лежало около двадцати-тридцати бутылок. Он напрямик направился к ним и вытащил одну наугад. Наклейки бутылка не имела. Содержащаяся в ней жидкость была темно-красного, почти черного цвета. Пробку запечатывал черный блестящий сургуч.

– У тебя есть нож? – спросил он Йорка, повернувшись к нему с бутылкой в руке.

– Не думаю, Эбнер, чтобы это виноградное вино пришлось тебе по вкусу, –

заметил Йорк. На подносе он держал два серебряных бокала и хрустальный графин. – У меня имеется отличный шерри, почему бы нам его не попробовать?

Марш испытал замешательство. Шерри у Йорка всегда отличался превосходным качеством, и ему не хотелось бы упускать такую возможность, но, зная Джошуа, он заключил, что вино, находящееся в личных запасах, должно быть высшего качества. Кроме того, его разбирало любопытство. Он перебросил бутылку в другую руку. Находящаяся в ней жидкость медленно колыхнулась, напомнив по консистенции густой сладкий ликер.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)